

УДК 111.82:159.923.2

doi: 10.18101/1994-0866-2016-6-60-67

«БЫТИЕ-К-СМЕРТИ» КАК ВОЗМОЖНОСТЬ И УСЛОВИЕ КОЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

© Байбородов Алексей Юрьевич

кандидат философских наук, доцент,

Пермская государственная сельскохозяйственная академия

Россия, 614990, г. Пермь, ул. Петропавловская, 23

E-mail: abaiborodov60@gmail.com

Статья посвящена анализу проблемы коэкзистенциального общения в контексте возможности смерти. «Бытие-к-смерти» — понятие-экзистенциал, первоначально введенное М. Хайдеггером. Смерть в онтологии М. Хайдеггера предстает как фундаментальная возможность субъекта «стать в бытии». Автор переосмысливает данное понятие в свете проблемы коэкзистенциального общения. Коэкзистенциальное общение определяется как универсальный способ со-бытия субъектов в их фундаментальной бытийной возможности. В свете развиваемой концепции «бытие-к-смерти» предстает как особый модус со-бытия, в рамках которого Другой постигается в своем аутентичном способе бытия как «предстоящий» фундаментальному ничто со-бытия. «Бытие-к-смерти» представляет собой способ отрицания изначально, экзистенциального способа со-бытия и выступает в качестве главного условия его трансформации в коэкзистенциальное со-бытие. Кроме того, «бытие-к-смерти» есть особая форма рефлексии, направленная на Другого и на способы со-бытия с Другим.

Ключевые слова: коэкзистенциальное общение, со-бытие, «бытие-к-смерти», фундаментальная возможность, одиночество, предельный смысл, модус со-бытия, предстояние, небытие, отрицание.

Предваряя наши рассуждения об экзистенциальном смысле смерти, считаем необходимым отметить, что данная тема, будучи, с одной стороны, весьма распространенной и обсуждаемой, с другой — поднимает ряд сопутствующих вопросов и проблем, которые пока остаются вне сферы философского анализа. В частности, таковой остается проблема «глубинного», *аутентичного* общения в свете возможности *смерти* как тотального *отрицания смысла*. Таким образом, речь идет об экзистенциально-бытийном истолковании феномена смерти, получившего освещение в трудах М. Хайдеггера [9, 10], Ж.-П. Сартра [7], К. Ясперса [11], Н. Аббаньяно [1], Г. Марселя [6], П. Коэстенбаума [12] и других.

Далее, в ходе последующего анализа внутреннего опыта со-бытия нередко имеет место противопоставление экзистенциально-бытийного мышления и общезначимости научно-теоретических понятий и категорий. Поэтому основная *проблема*, возникающая при этом, может быть поставлена следующим образом: возможно ли иррациональное содержание уникального опыта со-бытия выразить посредством рациональных понятий и категорий?

В связи с этим мы предлагаем следующий вариант решения означенной проблемы: с одной стороны, уникальные смыслы со-бытия могут быть выражены в понятиях на основе логической связи, но, с другой — неизбежно имеет место противопоставление экзистенциально-бытийного мышления и научно-

дискурсивных форм и способов его отображения. В настоящей работе нами применяется экзистенциально-бытийный метод с целью воспроизводства в научном мышлении уникального содержания опыта со-бытия в аспектах, доступных рационализации. В данной связи мы предпринимаем попытку выстраивания концепции *коэкзистенциального общения* в контексте истолкования смерти как фундаментальной возможности небытия, что предполагает, в свою очередь, возможность заимствования и переосмысления ряда положений экзистенциализма, феноменологии и герменевтики. Необходимо отметить, что концепт «*коэкзистенция*» был первоначально введен итальянским философом Н. Аббаньяно [1], понимающим под последней «неотчужденный», «аутентичный» способ сосуществования субъектов. Хотя Н. Аббаньяно и не дает «эксплицитного» определения коэкзистенции, но в качестве сущностного признака последней он полагает принятие себе подобного в его уникально-незаместимом способе бытия. Заимствуя и переосмысливая данный концепт в свете настоящего анализа, мы определяем коэкзистенциальное общение как *универсальный способ со-бытия субъектов в их фундаментальной бытийной возможности*. Таким образом, *sine qua non* коэкзистенциального способа со-бытия — признание за Другим статуса уникального и самоценного субъекта. *Экзистенциальное общение*, в отличие от коэкзистенциального, есть изначальный, исконно-первичный модус сосуществования, в рамках которого себе подобный постигается как изначально «соприсутствующий» в структуре «имения-дела» [9]. При этом возникает вопрос о возможности «кардинальной трансформации» экзистенциального со-бытия в коэкзистенциальное, а стало быть, «кардинальной трансформации» самих субъектов со-бытия. На возможность подобной «трансформации» указывают М. Хайдеггер [9; 10] и К. Ясперс [11]. Так, М. Хайдеггер в качестве первоочередного условия «трансформации» субъекта (Dasein) полагает «заступание» в «наиболее свою, безотносительную и не-обходимую, достоверную и как таковую неопределенную возможность [смерти]» [9, с. 259–260], что высвечивается в модусе онтологического «ужаса» (Angst); Н. Аббаньяно в качестве подобного условия мыслит, по существу, *осознание* через признание Другого в его уникальности [1]; К. Ясперс в качестве первого условия «преображения» и «заступания» в *коммуникацию* выдвигает *пограничную ситуацию* (Grenzsituation) [11].

Таким образом, коэкзистенциальный способ со-бытия предполагает осознание и принятие *смертности* как сугубо онтологической характеристики субъекта. Как известно, смертность в свете экзистенциально-бытийной «аналитики» несет онтологический смысл, будучи далеко не сводимой лишь к «естественному прекращению жизнедеятельности организма». В последнем случае некий «беспристрастно» регистрируемый факт смерти не более чем *знак*, который «безразличен к сознанию» [5, с. 66]. Экзистенциальная же постановка проблемы смерти как возможности «не-существования» в наиболее «эксплицированном» виде присутствует в трудах М. Хайдеггера [9; 10]. Так, в труде «Бытие и время» смерть предстает как «предельнейшая», «безотносительная», «наиболее своя» возможность, «заступание» в которую выводит Dasein из затерянности в *людях* (Man) и возвращает к самому себе. Высвобождение Dasein из повседневного пребывания в «людях» традиционно трактуется как уход из «людей», как самозамыкание в одиноком «предстоянии» предельной «сверхвозможности».

В большинстве интерпретаций «фундаментальной онтологии» Хайдеггера укоренилось представление о некоммуникативности Dasein в его «предстоянии» предельной возможности, а общение традиционно понимается как сфера отчуждения. Но вопрос, на наш взгляд, в следующем: о каком модусе со-бытия идет речь?

Особого внимания заслуживает следующая мысль Хайдеггера: «Как безотносительная возможность смерть уединяет лишь чтобы в качестве не-обходимой сделать присутствие как событие *понимающим для бытийной способности других* (курсив мой. — А. Б.)» [9, с. 264]. Как думается, данный пассаж из «Бытия и времени» — один из ключевых в понимании хайдеггеровской концепции общения. Означает ли это, строго говоря, тотальную «некоммуникативность» субъекта? Прозвучавшие соображения приобретают первостепенную важность в свете нашей концепции коэкзистенциального общения. Как отмечает М. Хайдеггер, «предстояние» Dasein «безотносительной» возможности известным образом «уединяет», ибо смерть «*обращена к нему как одинокому*» [9, с. 263]. По Хайдеггеру, смерть предельно индивидуализирует, ибо никто и ничто не может снять с Dasein его «умирания». Как думается, вышеприведенная мысль немецкого философа указывает, прежде всего, на преодоление «несобственного», «превращенного» модуса со-бытия в «людях». Но иное дело — «аутентичный» способ со-бытия в «предстоянии» фундаментальной возможности не-сущего. «Бытие-к-смерти» трансформируется в «со-бытие-к-смерти». Субъект открывает Другого в «предстоянии» возможности небытия. Данные соображения М. Хайдеггера представляют важнейшую точку опоры в деле дальнейшей разработки концепции коэкзистенциального общения.

Зададимся снова следующим вопросом: означает ли «предстояние» субъекта «сверхвозможности» небытия тотальное замыкание в себе и изоляцию? При каких условиях субъект может стать понимающим в отношении фундаментальной возможности Другого? Есть основания утверждать, что «уединение», уход из «мира» прежде всего означает преодоление «несобственного», «превращенного» способа со-бытия. Преодоление «превращенного» способа со-бытия означает для субъекта самоуглубление, самососредоточение, инициирующее собой внутреннюю рефлексию, переопределение *intra pectus* исходных ориентиров бытия-события. Пребывая в «уединенности», субъект переосмысляет собственный модус со-бытия с «ближними» и «дальними», проецирует собственный модус бытия-события на «мир» в целом. Смерть как возможность тотального отрицания инициирует взгляд «вовнутрь» и «вовне» через сопряженность внутреннего и внешнего. В уединении через переживание «возможности невозможного» [1] открывается способ бытия-события со всем сущим в его тотальности. «То, за что ужасается ужас, приоткрывается как то, *от чего* он ужасается: бытие-в-мире» [9, с. 188]. Возможность тотального отрицания переживается как возможность отрицания уникального смысла со-бытия. Но «уединенность», которая терминологически еще более точно «схватывается» как *одиночество*, всегда интенционально направлена на Другого в его способе бытия. Ведь со-бытие в экзистенциально-феноменологическом истолковании, как известно, подчас ничтожит и превосходит чисто «метрическое» расстояние, измеряемое «объективно». В «предстоянии» предельной возможности небытия Другой высвечивается как

со-бытийствующий, фундаментально свободный в своем уникальном и незаместимом способе бытия. Таким образом, через «основорасположение» (М. Хайдеггер) ужаса небытия я «спонтанно» постигаю Другого как со-бытийствующего, «*со-расположенного*» в его незаместимом «предстоянии» возможности небытия. Через подобное «предстояние» я постигаю общность моей судьбы и судьбы Другого. Коэкзистенциальная сопричастность сущностно постигается в переживании ужаса небытия. Упомянутый выше экзистенциал «одиночество» требует, на наш взгляд, более обстоятельного освещения.

Примечательно, что онтологический анализ концепта «одиночество» мы находим в работах Н. Аббаньяно и К. Ясперса. Так, Н. Аббаньяно отмечает сугубо *позитивный* смысл одиночества как особого модуса со-бытия, в котором «человек сосредоточивается, чтобы лучше слышать голос других, близких или далеких, людей и чтобы свободно посвятить себя выбранной задаче» [1, с. 141]. К. Ясперс также рассматривает одиночество как модус коммуникации, возникающий из «напряжения» между «полнотой смысла» и «неудовлетворенностью» в со-бытии [11]. Одиночество, по К. Ясперсу, есть условие и возможность обретения последней. В свете нашего изложения особого внимания заслуживает следующая мысль Ясперса: «Одиночество есть... представление подлинного *небытия у бездны*, из которой я в историчном решении спасаю себя, обретая действительность в коммуникации» [11, с. 83]. В приведенном выше суждении можно усмотреть все тот же глубинный смысл «бытия-к-смерти» как возможности «аутентичного» со-бытия.

Весьма показателен ясперсов анализ смерти в соотношении с возможностью коммуникации. Немецкий мыслитель понимает смерть как модус пограничной ситуации. Действительная сущность смерти как возможности небытия постигается не в отвлеченных схемах, а через «открытость» непосредственного *экзистирования* в пограничной ситуации. Согласно К. Ясперсу, смерть в соотношении с пограничной ситуацией может быть рассмотрена двояко: как *смерть ближайшего* и как *моя смерть*. Смерть «ближайшего», хотя онтически являет собой окончательную и необратимую кончину последнего, все же не несет в себе тотального отрицания коммуникации. В случае «подлинной», наиболее глубинной коммуникации «...экзистенция преобразуется в своем явлении; ее существо необратимо и *скачком* продвигается вперед» [11, с. 224]. Абсолютная, глубинная коммуникация преодолевает силу тотального отрицания, ничтожа, тем самым, самый смысл небытия. Если «подлинная» коммуникация, по Ясперсу, осуществилась хотя бы однажды, она утверждает самое себя в действительности, «сохраняет бытие как вечная действительность» [11, с. 224]. Опыт со-бытия, даже переживаемый как «уже-бывшее», остается актуальным и непрестанным «сейчас». Таким образом, отрицание смысла небытия в модусе «аутентичной» коммуникации *de facto* становится утверждением смысла коммуникации. Смерть как возможность небытия становится сугубо **позитивной** возможностью коммуникации. Смерть «ближайшего», по К. Ясперсу, обнаруживает позитивный смысл и становится пограничной ситуацией лишь в том случае, если Другой — «один и единственный» [11, с. 225]. Ужас небытия становится мобилизующей возможностью, вовлекающей субъекта в активную самореализацию. Поэтому *смелость* самобытия есть принятие на себя фундаментальной возможности небытия, что

становится достижимо через пограничную ситуацию. Как уход от пограничной ситуации в сферу «чистой объективности» (теоретического мышления), так и упование на потустороннюю жизнь, по Ясперсу, лишает смерть своего бытийного статуса и обесмысливает ее. Пограничная ситуация утрачивается.

Приведенные выше соображения весьма важны в плане вычерчивания онтологической структуры «бытия-к-смерти». На наш взгляд, «бытие-к-смерти» в своей сущности «общительно», направлено на Другого. Пребывая в «предстоянии» фундаментальной возможности небытия, субъект уходит из «мира», погружаясь в глубины собственной «самости», но для того чтобы лучше слышать «голос» Другого, «ближнего» или «дальнего». Чтобы постичь и принять возможность тотального отрицания, нужно, хотя бы на какое-то время, уйти из «мира», нужно, по-видимому, заключить «в скобки» те сугубо онтические формы и способы со-бытия, которые изначально «самоочевидны». «Бытие-к-смерти» есть, в сущности, одиночество, но ни в коем случае не тотальное самозамыкание в «крепости» солипсизма. Козкзистенциальное одиночество есть модус «бытия-для-Другого». Именно в модусе одиночества смерть как предельная возможность тотального отрицания «захватывает целиком», но именно в одиночестве субъект козкзистенциального общения обретает возможность «возвращения» к Другому. В модусе козкзистенциального одиночества только и возможно подлинное «бытие-к-смерти», ибо одиночество сущностно необходимо, дабы постичь себе подобного в его фундаментальном способе бытия-события. «Бытие-к-смерти» есть в своей изначальной сущности со-бытие, но это есть особый модус козкзистенциального со-бытия. «Бытие-к-смерти» есть, таким образом, «бытие-для-Другого». Коль скоро «бытие-к-смерти» высвечивается через переживание онтологического «ужаса», то оно изначально *проективно*, ибо трансцендирует субъекта «за пределы самого себя».

Таким образом, «бытие-к-смерти» всегда предполагает уход из «людей», но лишь с тем, чтобы снова возвратиться к «людям». «Предстояние» смерти есть залог и возможность осуществления козкзистенциального со-бытия. Подобная ситуация «предстояния» художественно смоделирована в повести Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича». Главный герой, чиновник «средней руки», переживает трагический опыт ухода из «мира» и возвращения в «мир», но уже *иным, преобразенным*. В повести с потрясающей художественной силой вскрыта диалектика «превращенного» и «аутентичного» модусов со-бытия. Иван Ильич, ужасаясь «проседанию» в *ничто* всего того, что ранее казалось незыблемым, проходит через опыт радикального отрицания прежнего существования и сосуществования, связываемых с «приятной» и «приличной» жизнью. Служебные обязанности, приемы, игра в винт и т. д. до поры скрывали, камуфлировали все то, что в «пограничной ситуации» (К. Ясперс) тяжелой болезни и умирания обрело небывало высокую ценность. На подобную «переоценку ценностей» также указывает американский философ П. Козстенбаум: «Наша собственная смерть означает тотальную дезинтеграцию и крушение нашего *личного мира* (курсив мой. — А. Б.). *Моя смерть* феноменологически описывается как *пустота* или *встреча с ничто*» [12, с. 176]. Характерно, что опыт со-бытия с Другими, переживаемый героем Л. Н. Толстого, в повести также кардинально трансформируется. В начале повести весьма подробно описываются сцены прощания с телом покойного

близких и сослуживцев, которые пытаются уверять себя в том, что смерть — лишь некое происшествие, которое случилось с Иваном Ильичом, но никогда не может и не должно случиться с ними самими. Во время «приятного» и «приличного» времяпровождения не могло быть того, что мы называем коэкзистенциальным общением. Имело место лишь общение «со всеми сразу», но ни с кем в отдельности, «скользящее по поверхности».

Но именно в процессе умирания происходит отрицание себя прежнего и прежних способов со-бытия с другими: «Нельзя было себя обманывать: что-то страшное, новое и такое значительное, чего значительнее никогда в жизни не было с Иваном Ильичом, совершалось в нем. И он один знал про это, все же окружающие не понимали или не хотели понимать и думали, что все на свете идет по-прежнему» [8, с. 69]. Именно в одиночестве Иван Ильич открывает других в их *действительном* способе со-бытия. Жена и близкие видят в его положении лишь досадное недоразумение, «неприличие», мешающее «приятному» времяпровождению. Не случайно даже близкие люди поначалу вызывают ненависть и озлобление. И лишь «буфетный мужик» Герасим, воплощая собой способ «понимающего» со-бытия, разрушает «нагромождения лжи» и говорит правду: «Все умирать будем. Отчего же не потрудиться?» [8, с. 81]. Сквозь конкретные действия Герасима, сознающего, «что и для него кто-нибудь в его время понесет тот же труд» [8, с. 81], «просвечивает» сугубо бытийный, коэкзистенциальный *сверхсмысл* со-бытия перед лицом смерти. Примечательно, что в финале повести происходит «просветление» со-бытия с другими через *прощение*. Иван Ильич «возвращается» к другим через понимание и прощение, причем данный финальный и торжественный акт уже сугубо онтологичен, ибо утверждает других в их способе бытия. Акт прощения трансформируется в акт коэкзистенциального единения: «Жалко их, надо сделать, чтобы им не больно было. Избавить их и самому избавиться от этих страданий» [8, с. 96]. Акт прощения и единения становится отрицанием самой смерти. Ивану Ильичу открывается предельный *сверхсмысл* бытия-события: «...смерти не было. Вместо смерти был свет» [8, с. 96].

Таким образом, из повествования Л. Н. Толстого явствует, что именно через модус одиночества, в отрицании «мира» тех «унифицированных», «общепринятых» способов со-бытия, в рамках которых смерть *десимволизируется*, вытесняется на «задворки» социальной жизни [3], только и возможна кардинальная трансформация субъекта в «свое иное». Именно повесть Толстого наиболее полно выражает общую «металогическую» коэкзистенциальную со-бытия как «со-бытия-к-смерти». Но «одиночество» перед лицом смерти все же не может быть абсолютным и тотальным одиночеством, ибо в переживании «пограничного» опыта как раз и обнажается неизбежная «тоска по Другому», глубинная потребность быть понятым и принятым. Именно «предстояние» предельной возможности небытия высвечивает «затерянность» субъекта в «анонимной» повседневности, но в то же время придает вещам *меру* и *форму* [4]. Характерно, что на смерть как на *позитивную возможность* обретения смысла указывает Н. А. Бердяев: «И замечательно, что люди, справедливо испытывающие ужас перед смертью и справедливо усматривающие в ней предельное зло, окончательное обретение смысла все же принуждены связывать со смертью» [2, с. 361]. Таким образом, опыт «предстояния» фундаментальной возможности тотального отрицания, на наш взгляд,

может быть осмыслен как «позитивная» возможность раскрытия и актуализации «предельного» сверхсмысла бытия-события, если, конечно, заключить «в скобки» «слишком человеческую» логику житейского здравого смысла. Разумеется, в рамках повседневного опыта человек по возможности стремится избегать страданий и жить «приятно» и комфортно, но «металогика» коэкзистенциального со-бытия нередко оказывается «по ту сторону» общепринятых суждений и оценок, незыблемых с точки зрения житейского здравого смысла.

Подводя итог вышесказанному, можно сформулировать следующие выводы:

1. Экзистенциальное общение и коэкзистенциальное общение представляют собой различные модусы бытия-события. Если экзистенциальное общение есть изначальный, первичный модус сосуществования, в рамках которого Другой предстает как «со-присутствующий», то коэкзистенциальное общение определяется как универсальный способ со-бытия субъектов в их фундаментальной бытийной возможности.

2. Главное и необходимое условие коэкзистенциального общения — принятие и признание Другого в его уникально незаместимом способе бытия.

3. Понятие-экзистенциал «бытие-к-смерти», позаимствованное и переосмысленное в новом качестве и определяемое как осознание и переживание «предельной» возможности небытия, есть важнейшее условие свободного и ответственного со-бытия.

4. «Бытие-к-смерти» в своей сущности коммуникативно, так как изначально направлено на Другого в его фундаментальном способе бытия.

5. «Одиночество» рассматривается как модус коэкзистенциального со-бытия и как позитивная возможность со-бытия. «Одиночество» изначально направлено на Другого.

6. Смерть как фундаментальная возможность небытия обнаруживает позитивный смысл коэкзистенциального со-бытия и предстает как позитивная возможность со-бытия.

Литература

1. Аббаньяно Н. Введение в экзистенциализм. — СПб.: Алетейя, 1998. — 507 с.
2. Бердяев Н. А. Опыт парадоксальной этики. — М.: АСТ, 2003. — 701 с.
3. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. — М.: Добросвет, 2000. — 327 с.
4. Ильин И. А. Религиозный смысл философии. — М.: АСТ, 2003. — 694 с.
5. Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание. — М.: Изд-во Лит. ин-та им. А. М. Горького, 1999. — 216 с.
6. Марсель Г. Быть и иметь. — Новочеркасск: Агентство «Сагуна», 1994. — 160 с.
7. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. — М.: Республика, 2000. — 639 с.
8. Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 12 т. — М.: Правда, 1987. — Т. 11. — 574 с.
9. Хайдеггер М. Бытие и время. — М.: Ad Marginem, 1997. — 451 с.
10. Хайдеггер М. Что такое метафизика? — М.: Академический проект, 2013. — 277 с.
11. Ясперс К. Философия: в 3 кн. Кн. 2. Просветление экзистенции. — М.: Канон+, 2012. — 448 с.
12. Koestenbaum P. The Vitality of Death. — Westport: Greenwood Publishing Company, 1971. — 1127 p.

“BEING-TOWARDS-DEATH” AS A CONDITION AND AN OPPORTUNITY
OF COEXISTENTIAL COMMUNICATION

Aleksei Yu. Baiborodov

PhD in Philosophy, A/Professor,
Pryanishnikov Perm State Agricultural Academy

The article deals with the problem of coexistential communication within the context of possibility of death. “Being-towards-death” is an existential concept firstly suggested by M. Heidegger. In Heidegger’s ontology death appears as subject’s fundamental opportunity to “become in being”. In the article we reinterpret this concept in the light of coexistential communication. Coexistential communication is defined by us as a universal way of subjects’ co-being in their fundamental existential opportunity. The concept of “being-towards-death” becomes a specific mode of co-being in which the Other is perceived in his “authentic” way of existence as “upcoming” to fundamental nothingness of coexistence. “Being-towards-death” negates primary, existential way of co-being and acts as the principal condition of its transformation into coexistential co-being. Besides, “being-towards-death” is a specific form of reflection, focused on the Other and ways of co-being with him.

Keywords: coexistential communication, co-being, “being-towards-death”, fundamental opportunity, solitude, ultimate meaning, mode of co-being, confrontation, non-existence, negation.

References

1. Abban’yano N. *Vvedenie v ekzistentsializm* [Introduction to Existentialism]. St Petersburg: Aletya Publ., 1998. 507 p.
2. Berdyaev N. A. *Opyt paradoksal’noy etiki* [The Experience of Paradoxical Ethics]. Moscow: AST Publ., 2003. 701 p.
3. Baudrillard J. *Symbolic Exchange and Death*. Sage Publications, 1993. 254 p.
4. Il’in I. A. *Religiozny smysl filosofii* [Religious Meaning of Philosophy]. Moscow: AST Publ., 2003. 694 p.
5. Mamardashvili M. K., Pyatigorskii A. M. *Simvol i soznanie* [Symbol and Consciousness]. Moscow: Literary Institute Publ., 1999. 216 p.
6. Marcel G. *Being and Having*. Marcel Press, 2007. 246 p.
7. Sartre J.-P. *Being and Nothingness*. Washington Square Press, 1993. 864 p.
8. Tolstoy L. N. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. In 12 v. Moscow: Pravda Publ., 1987. V. 11. 574 p.
9. Heidegger M. *Being and Time*. Albany: State University of New York Press, 1996.
10. Heidegger M. *Introduction to Metaphysics*. New Haven: Yale University Press, 2000.
11. Jaspers K. *Philosophy*. In 3 v. The University of Chicago Press, 1970. V. 2. Koestenbaum P. *The Vitality of Death*. Westport: Greenwood Publishing Company, 1971. 1127 p.